

Алексей Воротников

О правдистах – искренне

Алексей Воротников

О правдистах – искренне...

«Издательские решения»

Воротников А. А.

О правдистах – искренне... / А. А. Воротников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836322-1

Около четверти века своей жизни я отдал главной газете Советского Союза — «Правде». Был ее собственным корреспондентом по Саратовской и Пензенской областям. Считаю, что это самые счастливые мои годы. Судьба свела с огромным количеством одаренных, незаурядных людей. То были журналистские сливки страны. Чтобы не расплескать и не забыть те впечатления, мысли, раздумья, решил их оформить в виде эссе и заметок. И вот что получилось...

ISBN 978-5-44-836322-1

© Воротников А. А.
© Издательские решения

Содержание

I. Вспоминая коллег	6
Печерский Николай Павлович	6
Зимянин Михаил Васильевич	10
Афанасьев Виктор Григорьевич	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

О правдистах – искренне...

Алексей Александрович Воротников

© Алексей Александрович Воротников, 2017

ISBN 978-5-4483-6322-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Вспоминая коллег

Печерский Николай Павлович

Он был собкором «Правды» по Черноземью. Широкий в плечах, грузноватый, ходил как моряк, вразвалку, хотя на флоте не служил. Седеющая голова, кустистые, выжженные на солнце брови прикрывали хитрющие внимательные серые глаза. Я его мало знал. Наверное потому, что он не часто заходил в редакцию нашей воронежской «Коммуны», ну, а если заходил, то вокруг него сразу же собиралась довольно большая толпа моих коллег. Несколько раз и мне пришлось быть на этих посиделках. Надо отдать ему должное – рассказчик он от Бога. Знал уйму всяких историй, видимо потому что много ездил по стране, был полпредом «Правды» в разных ее регионах, сопровождал Никиту Хрущева в поездках по Средней Азии. Запомнились из того цикла две его крохотные устные миниатюры. Хрущев прибыл в Узбекистан. Его радушно встречал первый секретарь ЦК республики Шараф Рашидов. Обнялись, расцеловались. И Рашидов как хлебосольный хозяин предложил высокому московскому гостю программу на завтрашний день:

С утра, дорогой Никита Сергеевич, едем в колхоз имени Хрущева, а после обеда в совхоз вашего имени. Не возражаете?

Хрущев, – сказал Николай Павлович, – как-то быстро насупил, посерьезнел и отвечает Рашидову:

Слушай, Шараф, не надо называть колхозы, совхозы и другие предприятия моим именем. Как-то неудобно. А то скажут – боролся с культом Сталина и сам возрождает этот культ. Вот умру, тогда, пожалуйста, присваивайте мою фамилию там, где вы считаете нужным.

Рашидов развел руками и по-восточному хитро улыбнулся:

Это не моя прихоть, дорогой Никита Сергеевич, этого народ требует. Я выполняю только его волю.

И второй эпизод, сочно рассказанный Печерским. Рашидов, наметив маршрут передвижения Хрущева по республике, решил его удивить. Когда высокий гость будет проезжать по степи, навстречу ему вытянется колонна машин со строительными материалами: цементом, лесом, песком, квартирными блоками. И он, Шараф Рашидов, скажет первому лицу в СССР, вот, дескать, как под вашим мудрым руководством оживают степи, сооружение жилья идет полным ходом.

Так задумал льстивый восточный хозяин. Но Всевышний покарал шельму. Кортёж с Хрущевым где-то задержался и строительной колонне дали отбой: отдохните, мужики, несколько часов. А мужики и рады: заглушили моторы, кто-то достал домашнюю еду, перекусывает, кто-то полез под машину спрятаться от раскаленного солнца, а кто-то стал дремать в кабине самосвалов. А когда Хрущев показался на горизонте и водителям колонны приказали срочно завести моторы, то не у всех это получилось: кто-то завел, а кто-то нет. Колонна автомобилистов стала представлять жалкое зрелище.

Хрущев сразу же заметил и спросил у Рашидова:

Шараф, что там такое?

Строительные материалы везут. Степь оживает, Никита Сергеевич. Но, видимо, у кого-то поломка произошла. Вот и расстроилась автоколонна.

Хрущев вздохнул:

Хотел очки втереть?

Рашидов покраснел.

Все это Печерский рассказывал с упоением, в лицах, а глаза хитро блестели.

В Воронеже Николая Павловича боялись, как огня. Стоило ему появиться в обкоме партии, как во всех отделах перешептывались: «Корреспондент „Правды“ что-то замышляет. Лучше с ним не встречаться». Но встречаться чиновникам с журналистом все-таки приходилось, и потом об этом можно было прочитать в «Правде».

Николай Павлович любил писать острые разоблачительные статьи, фельетоны, сатирические зарисовки. И одновременно с упоением писал повести и рассказы для детей. Удивительно талантливый человек. К тому же добрый, щедрый, веселый. Общение с ним надолго оставалось в памяти.

И хотя я ним встречался крайне редко, но именно Николай Павлович сосватал меня в «Правду». Что послужило ему толчком для этого – не знаю. Может быть обратил внимание на то, что я довольно часто печатался в «Коммуне».

К тому времени я решил всерьез заняться еще и наукой. Начал собирать материалы для кандидатской диссертации по современной истории Центрального Черноземья. Поехал в Тамбов в местный архив. Проходит несколько дней и вдруг мне звонок из Воронежа. На проводе неожиданно для меня Печерский. В голове тревожная мысль: что-то, наверное, плохое произошло в моей семье.

Здравствуйте, Николай Павлович! Что-то у меня дома неладное?

Нет, Алеша, дома у тебя, слава Богу, все в порядке. Ты зачем приехал в Тамбов?

Собираю материалы для кандидатской диссертации.

Хочешь стать ученым?

Не знаю еще, как получится.

Пока приостанови свои научные поиски, возвращайся в Воронеж. Я тебя рекомендовал в «Правду», поедешь в Москву на смотрины.

Я онемел, во рту все пересохло.

Николай Павлович, но вы же меня совсем не знаете.

Что-то знал, кое-что коммуновцы о тебе рассказали. Так что поезжай в столицу.

Для меня это была полная неожиданность. Хотя годом раньше мне предлагали работу собкором редакции двух газет – «Сельской жизни» и «Известий». Я отказался. В «Сельскую жизнь» не захотел потому что был сыт по горло деревенской тематикой, мечтал попробовать себя в других отраслях. «Известия» для этого подходили как нельзя лучше, тем более у них освободилось место в корпункте Нижнего Новгорода. Меня вызвали в редакцию «Известий» и я три дня знакомился с ее сотрудниками. Они мне показались несколько надменными и даже высокомерными. Разговаривали со мной нехотя, точно по принуждению. И я себе сказал: здесь я точно никогда работать не буду.

И вот теперь «Правда». Для меня это заоблачная высота. Авторитет ее в стране был огромный. Люди, работающие там, мне показались небожителями. Уверен: любой журналист мечтал попасть в такой коллектив.

Когда я сказал своему редактору Владимиру Яковлевичу, что меня приглашают в «Правду», чтобы познакомиться, он ответил:

Я знаю. Мне об этом говорил Печерский. Что же, Алеша, я желаю тебе удачи. Трудиться в «Правде» великая честь.

Если возьмут.

А не возьмут, возвращайся назад, мне приятно с тобой работать.

У домашних особой радости тоже не было, что я отправлялся в Москву. Им не хотелось покидать Воронеж, где у нас было много друзей, знакомых, с которыми великолепно проводили свободное время. Когда собрал маленький чемоданчик и вышел к троллейбусной остановке, которая была рядом с моим домом, неожиданно подумал: «Может, зря я еду? Тут у меня все отлажено, хорошая работа, меня все уважают. А что будет там неизвестно». И тут же себя

одернул: «Меня приглашают в „Правду“. Какие могут быть сомнения?». И я на радостях отправился на вокзал.

Самое интересное, что меня поразило, когда я прибыл в редакцию первой газеты страны – это отношение к новому, неизвестному человеку. После традиционного вопроса «Как доехали?» последовало «Давно в Москве не были?». И когда я ответил, что да, давно, мне тут же предложили зайти в бухгалтерию, взять денег и поближе познакомиться со столицей. Я так и поступил. На целую неделю я превратился в беззаботного туриста. Побывал в «Третьяковке», в двух театрах – Малом и Вахтанговском, на ВДНХ, в цирке, в историческом музее. Впечатлений много и я, как бы пресытившись ими, неожиданно подумал: что-то редакция молчит, не забыли ли они обо мне? Решил о себе напомнить. Заведующий корреспондентской сетью Евгений Дмитриевич Киселев по отечески спросил:

Отдохнул? Будет, что вспомнить.

Это точно.

Приходи завтра, с тобой будут знакомиться редакторы отделов.

Несколько дней Евгений Дмитриевич водил меня по отделам редакции, начиная с партийного и кончая информацией. Правдисты – люди опытные, мудрые, дотошно расспрашивали обо всем: на какие темы люблю писать, что меня волнует, какие проблемы есть в сельском хозяйстве, в промышленности, в науке и как их надо бы решать. Старался отвечать подробно, но искренне. Будто побывал на исповеди.

Домой приехал и сразу же позвонил Николаю Павловичу. Обо всем ему подробно рассказал. Выслушав меня, он заметил:

Я звонил в редакцию, ты произвел хорошее впечатление. Теперь жди вызова в ЦК партии, там утверждают нашего брата – собственных корреспондентов «Правды».

На следующий день явился в «Коммуну», зашел к Евтушенко.

Ну рассказывай, Алеша, как съездил?

Пришлось повторить то, что говорил Печерскому.

Если тебя заберут в «Правду», – сказал он, – а к этому, видимо, все идет, честно говоря, не хотелось бы с тобой расставаться.

Лестно было слышать такие слова. Для меня самого «Коммуна» стала родным, дорогим домом. Люди здесь подобрались творческие, интересные. И мне было уютно, комфортно с ними...

Став в январе 1969 года собственным корреспондентом «Правды», я неожиданно для себя понял насколько круто изменилась моя жизнь. В «Коммуне» я был с коллективом, где можно было обсудить различные новости, рассказать какую-нибудь байку или анекдот, над чем-то подшутить, отметить, наконец, чей-то день рождения, или просто попить кофе, чай. И все это в кругу коллег. А в Саратове я оказался в одиночестве. Семью из Воронежа еще не перевез и была такая тоска, что места себе не находил. Понял: спасение в работе. Я стал много ездить по районам двух областей – Саратовской и Пензенской. Писал репортажи и корреспонденции, статьи фельетоны. И очень часто звонил Николаю Павловичу, спрашивал у него совета, делился своими планами. Он был доброжелателен, тактичен. Если делал замечания по какому-либо материалу, уже опубликованному в «Правде», то старался меня не огорчить, не обидеть. Удивительный человек.

Вскоре Николая Павловича пригласили на работу в аппарат редакции, в отдел литературы. К тому времени он был уже известным детским писателем. Его книги регулярно издавались в Москве, в Воронеже, в сибирских городах. Его произведения постоянно публиковались в любимом детворой журнале «Костер». Мальчишки и девчонки зачитывались его повестями «Генка Пыжов – первый житель Братска» (по ней были поставлены спектакли в Омске, Братске и других городах), «Масштабные ребята», «Сережка Покусаев, его жизнь и страдания» (о веселом, неунывающем парне, который был горазд на разные выдумки), «Красный вагон», «Будь

моим сыном», «Восемьдесят восемь дорог» и другие. Им написано более двадцати книг. Не каждый писатель сможет похвастаться таким творческим багажом.

Как-то меня вызвали на стажировку в редакцию и предложили несколько недель поработать в отделе литературы и искусства, где уже трудился Печерский. Я был очень обрадован, потому что каждый день теперь мог видеться и разговаривать с Николаем Павловичем. Чудное было время. Он интересовался, как мне живется в Саратове, какие отношения с местной властью, что пишу, что меня волнует и беспокоит.

Незадолго до своей смерти 3 сентября 1973 года он приедет ко мне в Саратов.

Хочу посмотреть на Волгу, – скажет он. – И заодно узнаем с тобой, как живется здесь местным писателям, как работает Нижневолжское книжное издательство, какую продукцию оно выпускает.

Потом «Правда» опубликует об этом нашу совместную статью.

Зимянин Михаил Васильевич

В «Правде» существовала добрая традиция: с каждым новым собкором перед его отъездом в регион обязательно встречался главный редактор. Так было и со мной. Еще не видя Михаила Васильевича Зимянина, я уже знал о нем многое. Родом он из Белоруссии, в годы Отечественной войны – участник партизанского движения. В мирное время был послом во Вьетнаме и Чехословакии, работал заместителем министра иностранных дел СССР. После этого ему было поручено руководство газетой «Правда» и одновременно быть председателем правления Союза журналистов СССР.

Знал также, что в редакции за глаза его называют «Михвас», что он любитель шахмат и может сражаться часами, пока не одержит победу. И вот я в его кабинете. Передо мной невысокого роста худощавый мужчина, у него коротко стриженные серые волосы, густые брови. Взгляд внимательный, острый. Говорит быстро, точно изображая скороговорку. Он начал с того, что регион, куда я отправляюсь, является очень важным для «Правды». В двух областях – Саратовской и Пензенской – высоко развиты промышленность и сельское хозяйство, наука и культура, образование и здравоохранение.

На слуху у всех, – продолжает Михаил Васильевич, – саратовская система качества, мелиорация повожских земель, строительство Балаковской атомной станции, пензенские животноводческие комплексы. Так что производственных тем для журналиста много, будет о чем писать. Но прежде всего «Правду» интересует людские судьбы, моральные и нравственные истоки народа, а также критика недостатков. Если заметил, мы довольно часто публикуем острые статьи, фельетоны, сатирические зарисовки. Приедешь на место, создай свой актив из талантливых людей, нам очень нужны умные авторы.

Зимянин на минуту умолк, потом сказал:

Первые секретари обкомов в твоём регионе – Алексей Иванович Шибаев и Лев Борисович Ермин – руководители авторитетные, уважаемые в стране, но это не значит, что ты должен находиться под их влиянием. У собкора «Правды» на все должна быть своя точка зрения. Иногда она совпадает с мнением местного начальства, а чаще всего – нет. Ты должен обладать объективностью и здравомыслием. Если в чем-то не уверен – не пиши. На страницах нашей газеты нужна только правда. Утомил я тебя своим наставлением? – улыбнулся Михаил Васильевич.

Я вам благодарен за все сказанное.

И еще учти: в обиду мы тебя не дадим. Только и ты редакцию не подводи.

Позже на своем опыте я вполне убедился в правоте слов главного редактора. «Правда» действительно старалась защитить своих полпредов на местах. Но при обязательном условии – если журналист был объективен и честен. Власти в регионах нередко старались приструнить, приручить, а то и подмять под себя непокорных, ершистых журналистов или найти на них компромат. Цель одна – чтобы меньше было критики. Нередко местные чиновники устраивали слежку за правдистами, прослушивали их телефонные разговоры. Бывали случаи, когда только что переданный острый материал в редакцию мгновенно становился известным в обкоме партии и оттуда доносился недовольный ропот, дескать, сколько же можно критиковать наш регион. И тогда на собкора «Правды» сочинялись недовольные письма, которые вскоре отправлялись в Комитет партийного контроля или в ЦК КПСС.

Через некоторое время из редакции раздавался звонок:

На тебя поступили жалобы, якобы, часто критикуешь область, а мы ответили, что у «Правды» к тебе претензий нет. Так что продолжай спокойно работать.

И это был бальзам на душу. Такая поддержка окрыляла.

На мой взгляд, Зимянин был больше дипломат, чем журналист. Вспоминаю случай, когда на одном из собкоровских совещаний, которое проходило в Москве, схлестнулись редактор

«Правды» по промышленному отделу Василий Александрович Парфенов и собкор по Донецку Дмитрий Филиппович Акульшин. Сыр-бор разгорелся из-за того, что Акульшин написал большую статью о проблемах шахтерской отрасли в Донбассе. Парфенов прочитал этот материал и отказался его публиковать. Причины, как мне помнится, были две: поверхностный подход к теме и слабая литературная разработка ее. Акульшин, естественно, с этим не согласился, и выступил на совещании с резкой критикой Парфенова, заявив, что Василий Александрович редко покидает свой кабинет и поэтому не знает конкретной жизни в регионах. Дмитрий Филиппович был одним из старейших собкоров «Правды» и считал, что вполне имеет право на такую критику. Парфенов резко ответил, что стаж работы в газете не дает права на написание слабых материалов. Я сидел и думал, как же Зимянин разрешит этот спор? Ему, как главному редактору, дороги и Акульшин, и Парфенов. На чью сторону он встанет, кого будет защищать, а кого ругать?

Михаил Васильевич поступил как истинный дипломат, он оказался как бы над схваткой, одновременно похвалив и пожурился двух своих разгоряченных сотрудников. Похвалил собкора и промышленный отдел за то, что они взялись за разработку важной темы, она для «Правды» очень нужна, подчеркнул главный редактор. А раскритиковал их за то, что не сумели довести до нужной кондиции эту статью, чтобы она могла появиться на страницах газеты.

Спор прекращайте, – строго сказал Зимянин. – Через неделю эта статья должна быть у меня на столе.

И действительно вскоре она появилась в «Правде». Однако не всегда Михаил Васильевич был деликатным. После «Правды» его избрали секретарем ЦК КПСС. Вместе с М. Сусловым он курировал идеологические вопросы культуры, образования. После него главную газету страны возглавил академик Виктор Григорьевич Афанасьев, открытый, добрый, творческий человек. Одним из заместителей у него стал доктор экономических наук, профессор Дмитрий Васильевич Валовой. Холеный, импозантный, к тому же острый полемист. И сразу же в «Правде» стали появляться его неординарные, вызывающие спор материалы. Особенно серьезный скандал разразился после публикации в трех номерах (10,11,12 ноября 1977 года) его статьи «Совершенствуя хозяйственный механизм». Нас, собкоров, тогда срочно вызвали в Москву. На расширенном заседании редакционной коллегии присутствовал новый секретарь ЦК Зимянин. Он сел в торце стола рядом с Афанасьевым. Сбоку от них – Валовой. Смотрю на их лица и на каждом вижу озабоченность, беспокойство. Зимянин наоборот очень мрачный, суровый. Губы сжаты, брови вздернуты. Весь его вид был воинственным, не предвещал ничего хорошего. Так оно и произошло.

Зимянин встал из-за стола и начал говорить, сначала медленно, потом все быстрее. Сказал, что страна только что отметила 60-летие Великого Октября. Наш народ достиг огромных успехов в экономической, социальной, научной и культурной сферах. И эти достижения нас радуют. К сожалению, есть и серьезные проблемы, в частности, в проведении хозяйственной реформы. И тут он перешел к статье Валового. Ее оказывается перепечатали ведущие американские и европейские газеты. Они смакуют наши недостатки, заявил новый секретарь Центрального Комитета. А мы, дескать, охотно подставляем под эту критику. Афанасьев и Валовой молча выслушивают нарекания в свой адрес. Дмитрий Васильевич даже немного побледнел, как-то сразу осунулся. Зато Зимянин увлеченно говорит и одновременно вышагивает вдоль стола. Юркий, подвижный он долго не может сидеть в кресле. Все собкоровские совещания, которые проводил Михвас, были внешне похожи: члены редколлегии, сотрудники редакции и собкоры сидят, а он ходит и ходит. Так может продолжаться и десять, и тридцать минут.

Наконец Афанасьев не выдерживает и говорит:

Михаил Васильевич, Валовой не виноват. Это я ему поручил написать такую статью. Ругать надо меня, а не его.

Погоди, и до тебя доберемся, – продолжая шагать, раздраженно бросает Зимянин.

Михаил Васильевич явно не в духе. Его понять можно: «Правда» – орган ЦК КПСС и вдруг публикует статью, в которой четко предсказывается, что если не принять сейчас срочных мер, то советскую экономику ждет неминуемый развал. Если бы это писала буржуазная пресса, то черт с ней. А здесь вдруг «Правда». И если бы он оставался ее главным редактором, статья Валового не увидела бы свет. Михаил Васильевич был сыном своей эпохи, советской эпохи. Честный, добрый, благородный, он искренне верил в правоту своего дела, в правоту социализма. Он защищал тот строй и в годы войны, и в мирное время. Развал Советского Союза переживал с болью в сердце. Оттого, видимо, и раньше ушел из жизни.

Афанасьев Виктор Григорьевич

Помню в студенческие годы на семинаре по философии наш преподаватель посоветовал заниматься по книге Афанасьева «Основы философских знаний».

Этот автор, – сказал он нам, – участвуя во всесоюзном конкурсе на популярный учебник по философии, занял первое место. Учитесь по нему, не пожалеете.

И действительно учебник был написан доходчивым, ясным языком, сложные философские проблемы становились более понятными. Я, конечно, тогда не мог предположить, что пройдет не так уж много лет, и я не только увижу создателя этой популярной научной книги, но и буду работать под его руководством.

Виктор Григорьевич Афанасьев отличался от Зимянина не только внешне: высокий, спортивного вида, но и внутренне, он весь был в науке, поглощен ею. Она научила его удивляться многим вещам. Его поражало, например, почему в учреждение, пусть даже высокого ранга, нельзя прийти в джинсах и в рубашке с коротким рукавом, ведь на улице летняя жара? Или почему руководители некоторых республик, когда появляются их статьи в «Правде», считают строчки? И когда у одного из них их оказывается меньше, он тут же звонит главному редактору и высказывает свое недовольство. Я, кстати, был свидетелем одного из таких звонков.

Им что, больше делать нечего, как только считать газетные строчки? – недоуменно вопрошал Виктор Григорьевич.

Талантливый ученый он не вписывался в чиновничий мир, не мог играть по их правилам. Он ни под кого не подстраивался, говорил то, что думал. И эта самостоятельность, умение в разных ситуациях оставаться самим собой создавало ему авторитет в широких слоях населения.

В феврале 1979 года мне позвонили из редакции:

Завтра Виктор Григорьевич вылетает в Пензу на встречу со своими избирателями. От тебя ждем материал на эту тему.

Я знал, что наш главный – депутат Верховного Совета СССР от Пензенской и Ульяновской областей и довольно регулярно посещает эти регионы, чтобы узнать настроение, пожелания и наказания местного населения, отчитаться перед ними за свою депутатскую деятельность.

В аэропорту Виктора Григорьевича встречало все руководство Пензенской области. И это была не только дань моды, но и уважение к своему депутату. Актовый зал местного Дома политпросвещения, вмещающий около тысячи мест, был забит до отказа. Афанасьев вышел к трибуне и начал говорить.

На сколько рассчитано его выступление? – неожиданно спросил меня Георг Васильевич Мясников, второй секретарь Пензенского обкома партии.

Не знаю, – пожал я плечами.

Но вы же наверняка видели его доклад. Сколько в нем страниц?

Он по бумажке не читает, – ответил я.

Как это не читает? – удивился Георг Васильевич. – Все читают.

А он вот нет.

Не может быть. Генсек читает, министры читают. А ваш главный может без бумажки обходиться?

Выходит, что может.

Не верю, – стоял на своем Мясников. – Все равно достанет шпаргалку.

Нет, Георг Васильевич, не достанет. У него ее просто нет.

Тогда пари, – предложил Мясников. – Я за то, что он все-таки воспользуется написанным текстом. Он у него, наверное, в боковом кармане пиджака.

Пари принимаю, – и мы ударили по рукам.

А если нет текста, то сколько по времени он может выступать? – не унимался Георг Васильевич.

И час, и два, и три.

Мясников недоверчиво покачал головой.

Когда Афанасьев закончил свое выступление и раздалось дружные аплодисменты, мы с Мясниковым одновременно посмотрели на часы. Доклад Виктора Григорьевича длился около трех часов. Безо всякой бумажки.

Я проиграл, – искренне признался Георг Васильевич. Об этом пари я тут же рассказал Афанасьеву. Он улыбнулся:

Каким же я был бы академиком, если бы по шпаргалке шпарил? Себя бы перестал уважать.

На прием в тот день к Афанасьеву пришло несколько десятков избирателей. Я внимательно наблюдал, как он разговаривает с людьми. Прежде всего внимательно выслушивал каждого посетителя, вникал в суть проблемы. И откровенно говорил, сможет или нет помочь человеку. Невыполнимых обещаний не давал. Из этих встреч главного редактора я для себя выбрал несколько тем, которые потом реализовал на страницах «Правды».

Среди нас, журналистов, авторитет Афанасьева был высок и не пререкаем. Что притягивало к нему и что привлекало в нем? Конечно, научная эрудиция и большая работоспособность. Довольно регулярно выходили в свет его труды. После популярного учебника «Основы философских знаний», который выдержал 24 издания и был выпущен за рубежом на 60 языках и удостоенный Государственной премии СССР, Виктор Григорьевич написал такие книги, как «Научное управление обществом», «Системность и общество», «Человек в управлении обществом», «Наука – беды и надежды», «Социальная власть», «Четвертая власть и четыре генсека» (от Брежнева до Горбачева в «Правде»), «Социальная информация» и другие. Каждая его публикация вызвала искренний интерес в обществе.

Виктор Григорьевич был человеком увлекающимся. Его полное погружение в науку и журналистику, казалось, не оставляло времени ни на что другое. Тем не менее, он влюбился в спорт, а точнее в водные лыжи. И стал их активным пропагандистом. Вскоре был избран председателем президиума Всесоюзной воднолыжной Федерации. Скорость по речной глади и водный простор давали ощущение полета. И ему ли это не знать и это не любить, ему, военному летчику.

Однажды катаясь на своих лыжах, он получил травму позвоночника. Врачи были единодушны:

Все, откатался.

Но Виктор Григорьевич был другого мнения. И он преодолел недуг. Упорство нужно всегда.

Человек пытливого ума, чуткий, рассудительный, он довольно быстро завоевал авторитет у правдистов. О нем всегда говорили с почтением, с искренним уважением. И если у кого-нибудь возникала сложная ситуация, Виктор Григорьевич не рубил с плеча, а старался в ней разобраться, не наломать дров. Вспоминая подобный случай, который произошел со мной.

Валерий Иванович Болдин, редактор «Правды» по отделу сельского хозяйства переходил на работу помощником Генерального секретаря М. Горбачева. В редакции это стало главной новостью. Ее бурно обсуждали. Кто-то завидовал ему, кто-то нет. Потом все постепенно улеглось, успокоилось. И вдруг у меня в корпункте раздается звонок Болдина.

Алеша, та знаешь о моем новом назначении?

Да, слышал, поздравляю.

Спасибо. А звоню я тебе вот по какому поводу. Я хочу в ЦК предложить твою кандидатуру на мое место редактором «Правды» по сельхозотделу. Ты по всем параметрам подходишь. Не возражаешь?

Для меня это сообщение, как гром среди ясного неба. Не знал, что и ответить Болдину. Что умолк? – тербит Валерий Иванович.

Все так неожиданно. Надо подумать.

А чего думать? Короче, я буду предлагать твою кандидатуру.

Валерий Иванович, я вам перезвоню через пару дней.

– Хорошо.

Я повесил трубку и стал размышлять. Конечно, предложение очень лестное. Жить и работать в Москве – мечта многих людей. Я, естественно, не исключение. Но особого рвения у меня к столице, честно говоря, не было. Получится так получится, нет так нет. Единственное, что меня удерживало в Саратове, так это докторская диссертация. Более десяти лет я потратил на нее и отступать не собирался. Оставалось работы на полтора, максимум два года. Если я уеду в редакцию, то на научной работе надо поставить жирный крест. Редакционная жизнь, тем более в сельхозотделе – атомный котел. Материалы на аграрную тематику требовались в каждом номере «Правды». И о диссертации пришлось бы забыть, на нее у меня просто не было бы времени. Об этом я и сказал Болдину. Он не ожидал от меня такого ответа и буквально взорвался:

Мне твоя диссертация до фонаря. Мне нужен ты здесь. Ты меня ставишь в неловкое положение. Тогда разговаривай с Афанасьевым, – и он бросил трубку.

Пришлось ехать в Москву. Виктор Григорьевич сразу же спросил:

Что у вас с Болдиным произошло?

И я рассказал ему причину моего отказа. Афанасьев задумался и, взглянув на меня, ответил:

Я тебя понимаю: бросать научную работу не законченной – негоже. А с Болдиным я переговорю. Ты же заканчивай диссертацию и потом вернемся к разговору о твоём переводе в редакцию.

В феврале 1988 года я защитил докторскую диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС, а в декабре того же года ВАК ее утвердил, выдав мне диплом доктора исторических наук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.